

«Вспоминайте меня весело...»

«Зилов с трудом просыпается, открывает окно, с досадой махнул рукой, чрезвычайно недовольный тем, что идет дождь. Раздается стук в дверь. «Войдите!», — произносит Зилов. В двери появляется венок: дешевый, с крупными бумажными цветами и длинной черной лентой. Его несет мальчик.

— Скажите, вы Зилов!

— Ну, я.

Мальчик ставит венок у стола. — Вам.

— Мне!.. Зачем! — Читает: «Незабвенному, безвременному сгоревшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей».

Зилов молчит. Потом смеется, но без особого веселья...».

Я ПРИВЕЛА этот эпизод из пьесы «Утиная охота» не с целью заинтриговать читателя, а чтобы подвести к высказыванию драматурга В. Розова о пьесах А. Вампилова: «Каждая завязка его пьесы — это невероятность, анекдотичность, я бы даже сказал — чертовщина, но, конечно, не в каком-то мистическом смысле, но, однако, сродни немножко Гоголю. Эту чертовщину анекдота, переведенную в самую обыкновенную реальность, нужно разгадать и поставить. Тогда пьесы его не будут просто забавными, милыми, сердечными, гуманными, а еще какого-то особого объема».

Теперь мы знаем «какого»: в сущности все пьесы Вампилова, несмотря на их тематическое разнообразие, — «о цене». О цене, которую платит человек за компромисс. О цене, которую он платит за потерю нравственности. О цене жизни в итоге.

Судьба иркутского драматурга Александра Вампилова трагична и счастлива одновременно: ранняя гибель — и посильный взлет популярности, признания критики и зрителей, рост интереса театров. В том числе сценических коллективов нашей республики. Они обращались и обращаются к нему не раз. Алма-атинские зрители ранее уже видели

спектакли «Старший сын» («Свидание в предместье») и «Прошлым летом в Чулимске» — в театре имени М. Ю. Лермонтова, «Прощание в июне» — в русском театре для детей и юношества Казахстана, где, кстати, ныне главным режиссером Б. Преображенский, поставивший в 1974 году «Валентину» («Прошлым летом в Чулимске») на сцене Иркутского театра драмы имени Охлопкова. Уже когда Вампилова не было. Идут его пьесы и в областных театрах республики.

Завтра Вампилову исполнилось бы 50 лет. А не стало его в 35. Когда я вижу на театральных афишах имя А. Вампилова, испытываю особые чувства: волнения, гордости и скорби. Мне посчастливилось быть краешком причастной к тому, что сегодня мы называем «миром Вампилова». Жили мы в одном городе, учились в одном университете, работали в родной «Молодежке»... И помнится он живой: общительный, откровенный, наделенный внутренним тактом и бескомпромиссным в творчестве и дружбе. Помню его на репетициях пьесы «Прощание в июне» в иркутском театре. Сидел он обычно в пустом зрительном зале и, казалось, безучастно взирал на то, что происходило на сцене. А потом в кругу друзей откровенничал, что на репетициях в театре с удивлением открывал для себя свою же пьесу. Он ужасно конфузился, когда кто-нибудь из актеров обращался к нему со сцены с вопросом: «Как здесь играть?». И видно было, что расстраивался от этого, считая, что это его, авторская, недоработка, если актер не знает, как играть тот или иной эпизод. Его молчаливого участия в творческом процессе рождения спектакля так потом недоставало...

НЕДАВНО опять попался на глаза мне сборник Николая Рубцова. Перечитываю и слышу голос Сани (так его звали все) — не по признаку фамильярности, а из чувства особой расположенности к нему. Он дружил с Рубцовым, по-мужски скуп, но и щедро оценивал его поэзию. Часто под гитару напевал любимые строки:

Ну так что же? Пускай
Осыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек...

Вампилов любил гитару: в кругу друзей, в палатке на Усть-Илиме, в студенческом общежитии, задумчиво склонив кудрявую голову, закрыв глаза, он мягко касался струн и уносился куда-то в даль или высоту, одному ему ведомые...

Уже уйдя на «вольные хлеба», в редакцию областной газеты «Советская молодежь» он приходил часто. Здесь он любил, возвращаясь из командировки, поделиться впечатлениями. Вот он приходит, закуривает, «загорается» и начинает рассказывать. Мы уже знали: то, что сегодня услышим интересного, наверняка встретим потом в его пьесах. Так уже случалось не раз. Как-то в Нижне-Илимске услышал он историю причудливого старинного дома, принадлежавшего когда-то илимскому купцу Якову Черных. Купец был суеверен, и ему цыганка нагадала, что жить он будет до тех пор, пока перестраивает дом. Яков Андреевич перестраивал его всю жизнь, добавляя всякие башенки, балкончики, крытые переходы...

Впоследствии Вампилов вспомнил этот дом в своей последней пьесе «Прошлым летом в Чулимске». А суеверное упорство, с которым купец перестраивал дом, трансформирует в символ человеческой чистоты: неустанные хлопоты героини пьесы Валентины с палисадником, оберегающим цветы от ног равнодушных прохожих.

— Валентина... Зачем ты это делаешь?

— ...И вы, значит, не понимаете... Я чиню его, чтобы он был целый.

Известность к Вампилову пришла рано. Свою первую книгу «Стечение обстоятельств» он написал в студенческие годы. Последним его произведением (завершенным) стала пьеса «Прошлым летом в Чулимске». Их отделяют десять лет — жизни и творчества

талантливого драматурга, оставившего нам семь отличных пьес и невоплощенные замыслы (в черновиках), обещавшие быть не менее, а может, и более яркими вещами.

В 1964 году журнал «Театр» опубликовал его первую пьесу. В 1966 печатает вторую — комедию «Прощание в июне». Она пошла сразу в десяти театрах страны. В том числе в родном драматургу — иркутском. Ожидались московские премьеры его пьес. Но он их не дождался...

...За оживленной беседой мы не сразу расслышали звонок в прихожей. Хозяин квартиры собственный корреспондент «Гудка» по Восточной Сибири А. Сесекин, превративший свой корпункт в своеобразный салон интересных встреч, открыл дверь:

— Легко на помине. Мы только что говорили о тебе в связи с предстоящими гастролями театра в Саратове. Ты знаешь, что там пройдет сотый спектакль «Прощание в июне»!..

— Саня! — всполошились все, радуясь встрече.

— Вот, купил! — он вытянул вперед руку со свертком, перевязанным шпагатом. — Вот, купил пальто!

Это произвело впечатление выстрелившей новогодней хлопушки: Саня в длинном модном пальто! Вся жизнь «налегке», в короткой (почему-то запомнилось — синей) куртке, с неизменной «балеткой» в руках и вдруг — в пальто! Что-то в этом солидное, не вампиловское.

— Ну-ка, ну-ка, повернись, — крутили его со всех сторон. — Здорово!

Восхищение попеременно с удивлением: «Идет-то как!» было неподдельным, и Саня с удовольствием демонстрировал обновку, переспрашивая: — Правда, здорово?

Несмотря на раннюю известность, жилось ему скудно. Тогдашняя известность не имела подпорки — ни моральной, ни материальной. Горькие слова по этому поводу скажет потом его друг В. Распутин: «Вчера на могиле Александра Вампилова открыт памятник. Родные и товарищи драматурга возложили цветы. Много цветов. На доме, где жил Алек-

сандр Вампилов, установлена мемориальная доска... Уважительная дань памяти. А мне больно. Больно оттого, что это после, когда Сани не стало. Почему для признания таланта нужно непременно было умереть? Почему при жизни он часто наталкивался на глухую стену непонимания и неприятия того, о чем хотел сказать своими пьесами, к чему призывал в них? Его отрицательные герои и конфликты несли положительный заряд обществу. А что в ответ? После опубликования «Утиной охоты» директор ЦБТИ Иркутска подал официальную жалобу в соответствующие инстанции. В ней он указывал, что автор в своей пьесе незаслуженно высмеял сотрудников руководимого им учреждения. А подобного он как директор допустить не может. Требовал запретить «Утиную охоту»... Но Вампилов никогда не работал в этом учреждении. Схожесть портретов, характеров и поступков героев пьесы с действительными лицами лишней раз подтверждала талант драматурга «писать» типичные портреты и характеры. Но пьесу ведь пытались запретить, приостанавливали выход альманаха «Ангара» с ее публикацией...».

ТАК и вижу Александра Валентиновича в сером суконном пальто с ворсом за 90 рублей. Смущенного и счастливого в своем непривычном наряде. Наверное, потому, что через два дня после этой последней встречи его не стало. «Саня погиб!». Насколько нелепым было это известие, настолько и нелепа реакция на него всех, кто был в то утро в редакции: «Нелзя что-нибудь поостроумнее придумать?!».

А потом «судорога», охватившая всех: эта непоправимая беда действительно произошла. Стоял август — особый предосенний месяц умиротворенности и отдохновения природы, равно как и человека, испытывающего это чувство по осени. Саня приехал из Ленинграда. Кинорежиссер «Ленфильма» В. Григорьев, восхищенный «Утиной охотой», намеревался поставить ее в кино. Саня летал в Ленинград в служебную командировку.

Вернулся окрыленным, с мыслями засесть за сценарий. Решил присмотреть зимовье на Байкале: в однокомнатной квартире с семьей условий для работы мало, если не сказать никаких...

Моторная лодка налетела на топляк — бревно под байкальской водой. Сидевший рулевым поэт Глеб Пакулов пловцом был никудышным, а потому смертельной хваткой держался за перевернутую лодку. Вампилов был пловцом отменным: преодолевал расстояние до середины Ангары с ее четырьмя градусами температуры воды. В тот трагический день до берега было всего 50 метров. На берегу стояли мальчишки с удочками. Они-то потом и сняли с перевернутой лодки Пакулова. Вампилов поплыл к берегу. Стоял август. Вода в Байкале — четыре градуса. Не более. Он не доплыл до берега каких-нибудь пяти метров. Врачи дали заключение: не утонул, сердце остановилось от переохлаждения.

Его не стало. Осталось наследие. Духовное. Пьесы: «Прощание в июне», «Старший сын», «Провинциальные анекдоты», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» и другие, сделавшие его жизнь во сто крат долгие того трагического краткого срока, который был отпущен судьбой.

Сегодня его пьесы идут по всей стране — в театрах Москвы и Ленинграда, Риги и Мурманска, Севастополя и Еревана, Душанбе и Алма-Аты... Конечно, это высшая цель драматурга. Это то, ради чего он жил и работал.

В стихотворении «Памяти Саши» П. Реутского, опубликованном в «Советской молодежи», есть строки:

Будут весны,

Будут зимы ли,

Запевайте песнь мою.

Только я, мои любимые,

С вами больше не спою.

Что ты, Ива, ветви свесила,

Или я недолгожил?

Вспоминайте меня весело —

Словом, так,

каким я был...

С. ЯГМУРОВА.